

Н. Е. НОСОВ

ЗЕМСКАЯ «УСТАВНАЯ ГРАМОТА» 1551 г.

«Мы вашего святительского *святости и дела* потребуем и советовать с Вами желаем о бозе, утверждати не стройное по благоу, — так многообещающе говорил царь при открытии знаменитого церковно-земского Собора 1551 г. перед собравшимися в «царских полатях» его участникам. «А что наши нужды или которые земские нестроения — и мы вам о сем поведаем. И вы, — признавал он съездившихся на Собор иерархов, — рассуждайте по общему согласию святыа апостол и святыа отец, утверждайте по общему согласию купе, а из вам, отцем своим, и братиею с своими бояры челом быте».¹

Собор 1551 г., или, как его обычно называют, Стоглавый собор, проходил в январе—феврале, завершив основную работу до 23 февраля, когда было начато составление самого соборного уложения, т. е. Стоглава. Примерно в это же время (около 23 февраля) решения Стоглава были направлены в Троице-Сергиеву монастырь на просмотр бывшему митрополиту Иовасафу, ответ которого, адресованный, как полагает Д. Стефанович, видимо, самому царю, был получен около 10 марта, а рассмотрен Собором, всего вероятнее, в промежуток времени с 10 го по 22 марта (22 марта было уже первое воскресенье — начало пасхальных празднеств) и тогда же под их влиянием сделаны дополнения к шестнадцати главам 7, 52, 70 и 85. Окончательное же редактирование Стоглава было завершено уже после пасхи (в 1551 г. пасха была 29 марта), на время празднования которой почти все архиереи разъехались из Москвы по своим епархиям, по не позднее 11 мая 1551 г. — для принятия царского приговора о монастырских вотчинах, помещенного во многих списках Сто-

¹ Стоглав. Изд. Д. Е. Кожанчинова. СПб., 1863, стр. 38—39 (курсив наш, — Н. Н.).

глава и в качестве 101-й главы. Таким образом, работа Собора была окончательно завершена лишь в мае 1551 г.²

Подобных же датировок придерживается и А. А. Зимин, сдвинувший ряд важных наблюдений о деятельности Стоглавого собора и, в частности, справедливо отметивший особую активную роль в подготовке Собора вона Сильвестра и его политических сторонников — светских (из числа бояр, группирующихся вокруг избранной рады) и духовных (из числа епископов-католиков). Одним из первых среди единомышленников Сильвестра следует назвать игумена Троице-Сергиева монастыря Артемия, поставленного на этот крупнейший пост вместо «инофиланца» Сергиянон, видимо, в самую минуту открытия Стоглавого собора. В декабре 1550 г. игуменом был еще Сергиянон,³ а уже 9 февраля 1551 г. Артемий.⁴ Эта замена Сергиянона Артемием да еще столь благосклонное к нему отношение со стороны царя во время работы Собора (ведь не случайно же ему удается 9 февраля — в самый разгар соборных заседаний — получить столь важное для монастыря подтверждение его сентябрьской жалованной грамоты 1550 г. на все монастырские владения) говорят отнюдь не о полном засилении инофилии на Соборе. Что касается предположения А. А. Зимина, что Артемий был назначен игуменом Троицкого монастыря лишь «около» мая 1551 г., когда правительство Ивана Грозного производит ряд важных перемен в среде церковной иерархии (были сведены со своих постов наиболее активные противники секуляризации церковных земель — новгородский архиепископ Феодосий и епископ Суздальский Грифон),⁵ то это, как мы видим, не подтверждается вышеприведенными данными. Общая же оценка итогов Стоглавого собора, приводимая А. А. Зиминим, с одной стороны, как «компромисса между правительственной программой иезуитского толка и инофильским большинством собора» (мысль, отсчитываемая еще С. В. Бахрушиним), с другой — «программы царской программы секуляризации церковных земель»,⁶ и принципе правильна и нуждается лишь в некотором уточнении. Нам кажется, что обстановка на Стоглавом соборе была сложнее; хотя количественно на нем действительно преобладали сторонники иезуитов и именно их позиции защищал митрополит Макарий,

² Д. Стефанович. О Стоглавом. Его происхождение, редакция и состав. СПб., 1909, стр. 81—93.

³ РБС, Троицкие книги, №№ 319, 99.

⁴ См. царское подтверждение от 9 февраля 1551 г. на жалованной грамоте Троице-Сергиеву монастырю от сентября 1550 г. РБС, Троицкие книги, № 527, л. 280 об.

⁵ А. А. Зимин. Реформы Ивана Грозного. М., 1960, стр. 388—389. Такой же точки зрения придерживались и другие исследователи жизни Артемия, см., например: Н. П. Жданов. Материалы для истории Стоглавого собора. Соч., т. 1, СПб., 1904, стр. 190—191.

⁶ А. А. Зимин. Реформы Ивана Грозного, стр. 386—388; ср.: А. А. Зимин. И. С. Пересветов и его современники. М., 1958, стр. 91—102.

по в 1551 г., пожалуй, еще рано говорить о полном поражении (а тем более «провале», как считает А. А. Зимин) политики ограничения церковных имуществ. Во всяком случае в отношении ограничения политических привилегий крупного церковного землевладения и не только монастырей, но и самих «святейших князей» церкви — митрополита, архиепископов и епископов (а ведь именно они, а не монастыри, были в то время наиболее политически опасными для правительства сторонниками церковного сепаратизма) — «набранная рада» добилась на Соборе весьма крупных и вполне ощутимых успехов. Но определялись они отнюдь не только борьбой нестяжателей и нисифитов, а иными, более «мирскими» причинами.

Основные же «земские» решения Стоглавого собора 1551 г. хорошо известны. Это, во-первых, утверждение нового Судебника, принятого Боярской думой еще в июне 1550 г., во-вторых, одобрение изытого Земским собором 1549 г. и реализуемого «набранной радой» нового правительственного курса на «примирение» царя с боярством, с одной стороны, и царя с широкими слоями поднимавшегося дворянства, а также «лучшими» посадскими и колдествовавшими черными мужиками (т. е. зарождающийся третий сословием), с другой, примирения разными путями и в разных областях, но отнюдь не за счет ущемления основных политических интересов боярства и потчипных земельных конфискаций.⁷ И хотя летний двенадцатитысячный царский соборный запрос (проект реформ),⁸ видимо, не оглашался и прямо не рассматривался на Стоглаво (вряд ли это было уже целесообразно, поскольку много из намечаемых и нем реформ — регламентация местничества, проведение всеобщей переписи земель, упорядочивание дела раздачи поместий, вопрос об ограничении «белых» владельческих слобод — уже начали реализоваться на практике еще осенью 1550 г.),⁹ но намечавшая им общая программа реформ

⁷ Подробнее см.: Н. В. Иосифов. Собор «примирения» 1549 г. и вопросы местного управления (на переломе к земским реформам). (Об. «Внутренняя политика царизма (серьезна XVI — начало XX в.)», М., 1967, стр. 5—45 и сл.

⁸ Там же, стр. 46—22.

⁹ Новый приговор о местничестве состоялся в июле 1550 г., царский указ о слободах пошел в Судебник 1550 г. и дополнительно, по ходатайству митрополита, рассматривался в сентябре того же года, упорядочивание дела раздачи поместий шло по своему частичное решение уже в октябрьском приговоре 1550 г. об именовании под Москвой «набранной радой» (мы считаем, вслед за Н. П. Смирновым, что этот приговор и был в 1550—1551 гг. реализован на практике, а по остальным неосуществленным проектам, как полагает А. А. Зимин. См.: Н. П. Смирнов. Очерки политической истории Русского государства 30—50-х годов XVI века. М., Л., 1958, стр. 407—422; А. А. Зимин и П. Реформа Иван Грозный, стр. 366—370), а в начале, видимо еще в конце 1550 г., всеобщей переписи земель свидетельствуют дошедшие до нас сведения: книги 1550—1551 гг.: 7058 г. — по Звенигородскому уезду, 7058—7059 гг. — по Вяземской волости, 7059 г. — по Московскому, Владимирскому, Колодецкому, Каширскому, Переяславль-Рязанскому, Рузскому,

(ее социальная и политическая направленность), как показывает дальнейшая правительственная деятельность, не претерпела на Соборе каких-либо коренных изменений. Соборные «говорения» развернулись, как можно судить по дошедшим до нас материалам Стоглава (оформленным в митрополичьей канцелярии задним числом и фиксирующим главным образом лишь его решения, касающиеся непосредственно церковных дел), в основном по церковным предложениям об ограничении церковного землевладения (вопрос о слободах) и церковных судебно-податных привилегий (вопрос о тархацах). Именно по ним возмущался митрополитом Макарием официальное большинство участвующих на Соборе духовных иерархов смогло добиться от цари и Боярской думы если еще не полного изменения, то во всяком случае явного сдвиги того радикализма в отношении ограничения церковных имуществ, который столь известен дает о себе знать во всей правительственной политике после 1549 г. и особенно в царствование Стоглавого собора.¹⁰ Но зато в вопросе о реорганизации местного управления и расширении прав земства Стоглавый собор пошел значительно дальше по сравнению с летним проектом цари и принял, во исполнение цари, в дополнение к Судебнику еще особую «уставную грамоту», положившую, по существу, начало замене системы кормления земским самоуправлением. Именно она, в отличие от Судебника, сосредоточившего основное внимание на регламентации боярского и наместничьего суда, кодифицировала правовые нормы, регулирующие права и обязанности самих земских обществ — посадского и волостного мира и его ответственных (выборных) представителей.

Подобные «уставные грамоты» (типовой образец которых и был предъявлен царю Стоглаву), если верить царской соборной речи, были подготовлены правительством заранее и всего вероятнее тоже во исполнение рекомендаций февральского Собора 1549 г. (когда «в преидущее лето» бояре, приказные люди и кормленники «со всеми землями помирилися во всяких делех»); они закрепили устройство — царь заверил, что теперь-то он уже все «уставил», — «во всем градом и пригородком, и во волостем, и во погостом и у детей боярских» старост, целовальников, сожских и

Давнему уездом, Восточной и Шедьской частям (Н. П. Смирнов. Очерки... стр. 432).

¹⁰ Неделю остро стоял в это время вопрос о церковных землях, видно хотя бы из того, что именно тогда царь обратился непосредственно к митрополиту Макарию с вопросом относительно возможности секуляризации домашних митрополичьих вотчин. В ответ на это Макарий и направил царю свое известное послание во неприкосновенности людей, данных богови и в последствие вечных блять, в котором не только повторил решение синодального собора 1503 г. о неприкосновенности церковных имуществ, но и прибавил к их защите ряд новых аргументов (Н. С. Тихомирнов. Методическая русская литература и древности, т. V. М., 1893, отд. III, стр. 136; А. С. Пильнов. Исторический очерк секуляризации церковных земель в России, ч. I. Одесса, 1877, стр. 109—111).

пятидесятских.¹¹ Саму же подлинную «уставную грамоту, которой в казне быти», царь и предлагал, «на святем соборе утвердиши и вечное благословение получиши, подписати вместе с новым Судебником».¹²

Собор, как явствует из Стоглава, ссылающегося на эту «уставную грамоту» наряду с новым Судебником как на уже принятый закон, выполнил царскую просьбу. Отныне «низем и бояром, и дворецким, и по градом наместником и всем мирским судиям», в числе которых называются и «земские старосты, каким велено в суде быти», было предписано, как гласит Стоглав, «судити» и «успрану чинити» в светских делах (т. е. делах между монастырскими слугами и крестьянами, и детьми боярскими, и посадскими людьми, и «всеческими черными людьми») вместе с церковными судьями «по Судебнику и по царской уставной грамоте и по соборному уложению», да и по ним же («цареву Судебнику и уставной грамоте») «изяти повлиши» на виновных.¹³ Совершенно ясно, что по подобным же взаимодополняющим узаконениям должен был осуществляться теперь и обычный (несветский) «мирекой суд» на местах во всем городах и волостям.

В непосредственной связи с принятием указанных новых земских «уложений» была, видимо, реорганизована и вся система суда на церковных землях и, конечно, в среде самого духовенства.

Во-первых, встал и был весьма радикально решен вопрос о «несудимых грамотах». Было признано, что «вперед» все архи-маандриты и игумены не подсудны царским боярам и дворецким, равно как и боярам, митрополитым и епископам, а судить их должны во всем сами «владыки», «кроме душегубства и разбой и татбы с поличным» (это компетенция только «миреких судей»).¹⁴ В самих же монастырях чернецов и слуг «промеж себя

¹¹ Что касается упоминания в царской соборной речи детей боярских — будто бы старосты «устроены» и у них, и это тоже записано в уставных грамотах, — то маловероятно, что имелся в виду, как это полагают в комментарии к Судебнику 1550 г. И. П. Смирнов и В. А. Романов, царские «повные грамоты, разосланные усадным детям боярским об освобождении их от местничьего суда согласно соборному приговору от 29 февраля 1540 г. (В. А. Р о м а н о в. Комментарии к Судебнику 1550 г. В кн.: Судебники XV—XVI веков. М., 1952, стр. 186—187). Ведь никаких старост эти грамоты не учреждали. Более похоже, что речь шла о губных старостах, которые в районах поместно-вотчинного землевладения избирались по волостям именно из детей боярских, а как раз новый Судебник окончательно санкционировал повсеместность губных учреждений (возможно, что и нему были подписаны и образцы губных грамот, о которых упоминает ст. 64), а может быть, и об особом денежном сборщиках из детей боярских, тоже назначавшихся из волостей или старостами, которые повлились на местах как раз с начала 50-х годов XVI в.

¹² Стоглав, гл. 47, стр. 39.

¹³ Там же, гл. 67 и 68.

¹⁴ «Церковные канональные грамоты», по которым игумены и монахи не подсудны владыкам, отменялись — никогда «вперед» таким грамотам не

судят «во всяких делаех» (по, конечно, и тут, кроме убийства и разбои) архимандриты и игумены вместе «с соборными старцами» или «кому прикажут».

Во-вторых, для всякого церковного чина отменялись (шреден, «отставити») «крестное целование» и «поле» (судебный подсудок). Формой суда должен был быть для них только обыск и крестин. Но и тут общее исключение — дела о «душегубстве и разбое с полными», поскольку «еще кто того чину (свидетельского). — II. II.) такими дела будет уличен и того судит градекие судии по царскому закону». Что касается посылки митрополичьих и епископских «нодельщиков» «с приставными» и «завислыми» на духовных лиц, с вызовами их на суд, то «сроки» в них следовало писать «по жалованным грамотам и по уставным царным, каковы у них царны грамоты, опричь духовных дел».

Иная система суда, согласно той же 68-й главе Стоглава, на митрополичьих и епископских (т. е. не монастырских) землях. Здесь духовенство (попов, дьяконов и «всех причетников») и «мирских людей» (ипаче говоря, проживающих на этих землях «мирян» — крестьян и слободман, а также шых педуховных лиц) «ни рядным грамотам, и по духовным, и по кабалам, и по поклязкех, и в боех, и в грабежах, и в прочих во всяких делаех, опричь духовных дел», судит митрополичьи и епископские бояре. Но судит (и это и было основное новшество) не один, «я у бояр и суде сидети старостам поповским и пятидесятеким по неделям во два и по три, да градеким старостам и целовальником и земекому дьяку, которым царь прикажет». Функции же этих земских представителей (приемных заседателей) и митрополичьем и епископском боярском суде точно соответствовали (Стоглав воспроизводит основное положение статей 62 и 68 Судебника 1550 г.) подобным же обязанностям (и правам) земских представителей на суде великокняжеских наместников и полостей, сидящих по государственным посадкам и черным полостям. И даже судные понятия «владычные бояре берут по тем же правилам и поркам, как гласит Стоглав, «по царну Судебнику и по уставной грамоте». Разница заключается лишь в верховной власти, непосредственно контролирующей их деятельность, на «владычных землях» она является сам митрополит или епископ (в своих владениях), а не великий князь, как это имеет место по отношению к суду великокняжеских бояр.

Общий же надзор со стороны правительства за митрополичьим и епископским боярским судом осуществляется (и это тоже применительно и ново!) через земство — путем выбора земских приемных заседателей и боярский суд только с санкции цари — «быти на суде» земским старостам, «которым царь прикажет». Какое доверие к земству (и недоверие к церковным иерархам).

бегство. Стоглав, гл. 67 «О несудимых грамотах» (ответ на 15-й вопрос царя), стр. 47, 200—207.

коли простым черным мужикам (види по «владычные дети боярские», а именно они ходили и «градских» старостах и целовальниках!) поручается вместе с поповскими старостами и пятидесятскими блавити свои земские интересы и надирать (от лица великого князя) за действительность митрополичьих и епископских властей и отнюдь не рядовых, а самих «свитейших бояр». И уже если таково было значение земских на митрополичьих и епископских землях, то каково же оно должно было быть на государственных посадах и черных землях, где земские крестьянские представители вообще не имели над собой «феодалных сеньоров», кроме великого князя как главы государства.

Но если так обстоило дело с самым митрополичьим и епископским «боярским судом» (высшим владычным судом по гражданским и уголовным делам), то, естественно, что значение земского представительства в их местном гражданском суде было еще сильнее.

И действительно, в 68-й главе Стоглава прямо указывается, что «срещи яно и по десеть» в митрополии и епископских, «яно градом и по десятинам», «устанавливаются десятские» (так назывались владычные наместники, кормленщики, назначаемые обычно из митрополичьих и епископских детей боярских), которые «ведали суд и судили весь священнический чин и шюческий, и весь причет церковный, и прочих (т. е. мирян. — Н. Н.) по рядным, и по набалам, и в боех, и в грабежках, опречи духовных делъ, и именно так следует поступать и «силнее «яно тем градом», суди там овец причет церковный и мирских людей», но при одном непременном и категорически предписанном условии — «у них быти в суде старостам земским и целовальником и земским дяком, которым царь повелит». И опять, характеризуя обязанности последних по надзору за судом этих церковных управителей, перечисляя соответствующих постановлений о правах и обязанностях земских присяжных заседателей при великокняжеских наместниках и волостелях 62-й и 68-й статей Судебника 1550 г., и опять ссылки на сбор понятии по нему же и по царской «уставной грамоте».

Но есть в Стоглавие по сравнению с Судебником 1550 г. и отличия. Например, запрещение владычным десятским «держати корчмы». Подобное предложение фигурировало еще в летних царских вопросах 1550 г. (вопрос четвертый), но в тексте царского Судебника не было зафиксировано, хотя в земских грамотах 1552 г. (мы имеем в виду Мало-Пинжежскую и Власскую грамоты) местному населению тоже, как и владычным десятским Стоглавие, категорически запрещается «корчмы держати». Видимо, общим законодательным петочником этого запрета и была принята Стоглавом «уставная грамота», которая и на этот раз несомненно существовала «дополнительно» Судебник. Имел свою специфику и контроль со стороны земских представителей за судом владычных десятских. Имелся в виду ситуация, когда «учнуа десятники неправедно судити или посули

имати, дела волочити и продажу чинити», а земских старост и целовальников, которые им об этом будут «говорити», «ве послушают». Вот в этих-то случаях земские представители и были обязаны прямо «писать» обо всех подобных нарушениях самым «святейшем» (митрополиту или епископу), а если те «ве управят», то и самому царю. Как мы видим, и тут присутствует известное недоверие царского правительства по отношению к митрополитскому и епископскому суду, а главное — стремление установить непосредственный контакт с земством.

Да и сами санкции со стороны царя в отношении подобных «неправедных судеи» ясно говорят об этом: таких судей ожидала от царя «слишкая опала», снос с кормленни («десятина... отбити») и возмещение всех причиненных населению убытков и полученных взыск в тройном размере («взытое на них челети доправити втрое»).¹⁴

Вряд ли можно сомневаться, что и тут подобные права и обязанности земских властей в отношении надзора за местным судом кормленщиков (ведь именно ими были владичные десятичники) не были прерогативой только земских судебных заседателей по митрополитских и епископских землях. Подобными функциями «земского контроля», конечно, в еще большей степени обладали местные присяжные заседатели при великокняжеских наместниках и волостелях, избываемые на государевых посадах и в черных волостях. Но и тут в Судебнике 1550 г. явное умолчание. В нем (в статьях 62 и 68) лишь крайне скрывно и без всякой прямой связи с обязанностями земскими заседателями суда и действий кормленщиков перед великим князем указывается, что «иногда и суде наместником и подиестелем и их тиуном не имати» (ст. 68) или более развернуто, но тоже крайне условно — «иногда наместником и их тиуном и их людем не имати, и на государя сносно тиуну и по шашинку шкочу посулов от суда не просити» (ст. 62). Тройные же неки взимаются, по Судебнику, с наместников и волостелей лишь в том случае, если их «уличат» по взятии с одного дела двойных пошлин (ст. 74). Вот тогда-то в них и следовало «те пошлины взяти втрое». Но это уже совсем другой казус, и уж тем более он никак не связывается составителями Судебника 1550 г. с деятельностью земских судебных заседателей.

Следовательно, и в данном случае (как и в вопросе о запрещении корчем) постановление Стоглая базируется не на Судебнике, а на ином «соборном уложении», по всей видимости, на «уставной грамоте».

Но если подобная расширенная трактовка контрольных обязанностей земских старост в отношении наместников (при их сохранении) идет не из Судебника 1550 г., а из подписанной под него «уставной грамоты», то, следовательно, она отнюдь не просто

¹⁴ Стоглая, стр. 208—213.

дополняла Судебник и в вопросах местного управления, по и шла значительно дальше его и именно в вопросе о расширении на местах прав и обязанностей земского сословного представительства и делала это по сравнению с ним весьма решительно. Во всяком случае, как можно судить по Стоглаву, касалось это в равной степени как вопросов судебных, так и тыглых, вернее, тыгло-административных, которые вообще применительно к местному управлению очень слабо затронуты в Судебнике 1550 г., поскольку эта сторона деятельности местных властей обычно конституировалась в иных источниках право — жалованных и уставных грамотах, и регулировалась непосредственно царскими указами.

Имеем в виду разъяснение Стоглава (той же 68-й главы), что если «преж сего в митрополии и епископиях «по городом ездили по десятинам десятиники и закадики» (владычные приказники) и собирали на «святителей» дань по книгам» и «свои повила по старине», то больше так делать не следует, поскольку от этого населения «пужда великая и продажа». А «ныне и впредь» надо посылать «по цареву совету и по соборному уложению», а именно «десятиником и закадиком по градом и по десятинам не ездити, а уставити по тем градом и по десятинам десятских священников, да старост земских и целовальников, которых царь прикажет, и те старосты и целовальники с десятиными священнику дань и десятильников заезд (иначе говоря, десятильников корм. — Н. Н.) и повила по книгам збирают и по грамотам, опроче пустой и льготной и тархашных грамот, да отдадут светителям сполна с году на год на Рождество Христово или на Сбор (Соборное воскресенье, — Н. Н.), а чего сполна не привезут по книгам и светители везят доправити на тех земских старост и на десятиных, и на целовальниках по государеву цареву указу».¹⁴

Эту новую категорию земских старост и целовальников (дешежных сборщиков) наряду с подобными судебными старостами и целовальниками (земскими признанными заседателями) всего вероятнее также имел в виду Иван IV, когда говорил в своей программной выступительной речи на Стоглавом соборе, что он «устроил по всем землям... государства (а отнюдь не только на митрополичьих и епископских землях, — Н. Н.) старосты и целовальники, и сощине и пятидесячные, по всем градом и пригородком, и по волостем, и по погостам, и у детей боярских», и именно об этом «уставные грамоты над сей Судебник подписал». И даже более похоже, что в данной общей царской формуле и новом «земском устройении» акцент мог делаться как раз на земских денежных старост, поскольку первые (судные старосты и целовальники) были в принципе отнюдь не таким уж новым институтом, а существовали в большинстве городов и волостей по крайней мере со времени

¹⁴ Стоглав, стр. 213.

Судебника 1497 г., и составители Судебника 1550 г. лишь требовали неуклонного и повсеместного введения этого земского института. Да и в Стоглаве, как мы уже видели, не говорится об их учреждении — впервые только с 1551 г. — «по соборному уложению», а лишь подтверждается (после за Судебником 1550 г.), что «иные» без подобных земских судебных заседателей нельзя перить суд на митрополичьих и епископских землях (как в центральном — «святительском боярском суде», так и в местном — «суде десятицких»), и то время как о последних — земских старостах и целовальниках по сбору *дани*, кормов и пошлин (о которых вообще ничего не говорится в Судебнике 1550 г.) — в том же Стоглаве прямо сказано (и в очень близких выражениях с царской «соборной речью» и даже с прямой ссылкой на предложения самого царя), что их, «по царшу совету и по соборному уложению», «иные и впредь следует по городам и десятинам в митрополии и епископских устроити».

Но главное при подобном расширительном толковании царской речи — отождествлении царских слов о повсеместном учреждении земских старост (и даже «у детей боярских») с показаниями Стоглава о введении «по царскому совету» особых земских денежных сборщиков на святительских землях (и не только среди тугдых людей, но и мелких церковных феодалов, какими в большинстве являлись представители белого духовенства) — нетрудно увидеть в тех же выборах «десятских священника» (иначе говоря, окружных = десятичных поповских старостах) как бы церковный вариант выборов денежных сборщиков из числа детей боярских (= денежных голов), которые, как мы уже отмечали, появляются в источниках как раз с начала 50 х годов XVI в. и деятельность которых очень близка финансово-дегельности городских приказчиков.¹⁷ Не их ли наряду с губными старостами и имел в виду царь, когда говорил, что теперь старосты учинены в «у детей боярских».

Таким образом, царские слова о повсеместном учреждении земских старост и целовальников надо, видимо, истолковывать в более широком смысле, чем это обычно имеет место в литературе, а главное — расценивать их как новый серьезный шаг по сравне-

¹⁷ Например, в поместьях на Дворовой тетради 50 х годов XVI в. (Дворовая тетрадь была составлена, как указывается в одном из ее списков, в 1551/52 г. — ГИМ, Музейное собрание, № 3414, л. 42 об.) подобные учреждения детей боярскому обозначены — «остатками (остатками) у денег или у казна, у денег (Дворовая тетрадь, лл. 103 об., 105 об., 110 об., 112, 153 об., 152 об.). В основном же материалы относятся 50 х годов XVI в. новые земские власти в лице денежных сборщиков на детей боярских именуется просто «выборными старостами» (Исторические акты Ярославского Спасского монастыря. Изд. П. А. Влхрмским, ч. I, М., 1896, № XXIV, стр. 30—31; 30111, Собрание актов до 1613 г., № 1/202; П. А. Сладков, Очерки, ч. III, Документы, №№ 6—7, стр. 422—424; Акты исторические, описанные И. М. Капачевым и А. К. Кабановой. Изд. ред. проф. М. В. Довнар-Запольского. М., 1905, № 1/36, стр. 40—41).

ции с Судебником в сторону всеместного внедрения в местное управление земского сословного представительства. Что касается приведенных материалов Стоглава по тяглым делам, то перед нами как бы миниатюра (примечательно к митрополичьим и епископским землям) принятой на Стоглавном «царскому совету» общегосударственной реформы («сборного уложения») по реорганизации всей действующей «наперед того» системы сбора государственных налогов, повинных кормов и пошлин. И суть этой реформы заключалась в окончательной отмене привычки сбора прямых налогов самими кормленщиками, а также данщиками или широкими великокняжескими приказчиками (= заказчиками) и передача этих функций самому местному населению, а практически — специальным денежным сборщикам в лице выборных голов из детей боярских (= десятских священников), земских старост и целовальников, набираемых для этих целей по городам и волостям (= десятинам). Именно эти новые земские денежные сборщики должны были проводить, руководствуясь писцовыми книгами и иммунитетными грамотами, ежегодно (и только один раз в год) сбор дани, кормов и пошлин и их сдачу в казну — в великокняжескую или святительскую (и зависимость от категории земель).

Допустить же, что все эти порядки, принятые по «царскому совету» на Стоглавом соборе, касались только и исключительно территории митрополии и епископий (хотя всего вероятнее, что именно по этим церковным князьям — главной опоре удельного церковного сепаратизма — и направляло правительство «пабральной риды» свой первый удар), невозможно уже по одному тому, что как раз с начала 50-х годов XVI в., как можно судить по данным актового материала середины XVI в., касающегося отнюдь не только церковного земледелия, окончательно прекращается практика посылки на места великокняжеских данщиков, а сбор прямых налогов сосредоточивается в руках непосредственно дворянских и земских (посадских и волостных) выборных представителей, и даже сами городские приказчики постепенно превращаются из приказного в выборный орган от дворянства. Да и вообще было бы противоестественно, если бы подобная реформа была проведена правительством только на митрополичьих и епископских землях, землях в известном смысле дворянского типа, занимающих как бы промежуточное положение между землями чернососновными и владельческими. — и не затронула (пусть даже сперва не столь радикально) великокняжеских посадов и чернососновых волостей, уже давно и особенно настойчиво добивавшихся подобных земских привилегий. Во всяком случае эта реформа явно связана с намеченной правительством (согласно еще летним царским вопросам 1550 г. — вопрос 12-й) общероссийской земельной переписью, а она касалась всех земель без исключения, а не только земель церковных и тем более только митрополичьих и епископских.

Это, конечно, не означает, что организации новых земских финансовых органов на митрополичьих и владичьих землях не имела своей специфики и своих особенностей. Она бесспорна. Но в том-то и дело, что согласно Стоглаву царское правительство выталось максимально ликвидировать эту специфику, а не наоборот. И достигалось это не только тем, что денежные земские старосты и целовальники, как и подобные им судные, утверждались непосредственно самим царем, но и тем, что вообще вся их деятельность была поставлена под царский контроль. Ведь не случайно же все подомки должны были взиматься «святителями» на земских старостах и целовальниках лишь «по государеву цареву указу», а отнюдь не на основе каких-то своих автономных решений и своих особых (владичьих) уставов.

Указанные постановления были приняты Собором, видимо, уже в январе — начале февраля 1551 г., поскольку в одном из списков Стоглава есть специальная записка, что 17 февраля «повелением» Ивана IV «и по благословению» митрополита Макария, а также «архиепископов и епископов и всего священного собора русския митрополии» выбрали священники и диаконы 7 старост в царствующем городе Москве. Тут же сообщаются сведения о числе московских священников (359), диаконов (208), церковей (644) и о том, «как по тем светим церквам расчитати урмы, старосты и 50-ких и десятских священников и диаконов».¹⁸ По мнению Д. Стефановича, указанные выборы были произведены во исполнение дошедшего до нас особого «соборного приговора» 1551 г. об учреждении в Москве церковных старост (со «ста священников» или «как число иместит») и десятских, точная дата принятия которого нам пока неизвестна (единственный пока обнаруженный список с него XVI в. дефектен и не имеет даты).¹⁹ Но Д. Стефанович прав, отмечая, что он вряд ли мог быть принят позднее начала февраля, так как только на подсчет московских церквей и духовенства и производство самих выборов требовалось по крайней мере недели две.²⁰

И хотя приведенные данные касались лишь Москвы и только духовенства, но трудно допустить, чтобы именно местное духовенство получило право на известное самоуправление (и отнюдь не по духовным делам) раньше, чем это право было предоставлено самим местным феодалам и черным земским мирам — городам и погостям.

Во всяком случае нельзя не связать приведенные данные соборных решений об организации земских сословно-представительных учреждений на территории митрополий и епископий (а ведь нельзя забывать, что только митрополичьи земли были

¹⁸ Д. Стефанович. О Стоглаве, стр. 85—86.

¹⁹ ААЭ, т. I, № 232.

²⁰ Д. Стефанович. О Стоглаве, стр. 86.

расположены в середине XVI в. более чем в 30 уездах страны)²¹ с тем фактом, что как раз в эти же дни, а именно 28 февраля, была выдана царская уставная грамота Плесской волости Владимирского уезда — первая из пока известных нам учредительных земельных грамот XVI в. Не являются ли оба эти акта следствием каких-то общих правительственных решений по вопросам местного управления, принятых и одобренных Собором?

Из Плесской грамоты мы узнаем, что волость в свое время была «придана» «судом и кормом» владимирскому наместнику князю Дмитрию Федоровичу Бельскому, а потом (опанею), как сообщает грамота, «велена была та волость подати на мени царя и великого князя кормы брати и крестьяни тою волости судити владимирскому городовому прикащику Василию Суцкову да ключнику Устину Педуреву». ²² Теперь же «крестьяне тою волостью в лице старосты Иванки Оленкова и четырех его сотоварищей «пособрочилися» у великокняжеского дьяка Угрима Лявова, что «дати им и . . . казану оброком за наместничьи и тиуновы кормы, и за пшито, и за выводуую куницу, и за поновенной уброе, и за приезд, и за приведничкова и за доводничкова поборы, и за все наместничьи и его поволивших людей пошлыны на год 15 рублей». Поскольку же оброк должен был вноситься в казну в год на два срока — первая половина (семь с половиной рублей) на Покров (4 октября) 1551 г. и вторая — на соборное воскресенье 1552 г., то акт перевода волости на откуп следует датировать не временем выдачи грамоты (28 февраля), а ранее — 15 февраля 1551 г. (на этот день приходится соборное воскресенье).

Сам же организация управления Плесской волостью вытекает, согласно царской грамоте, так: волость получает право на своего дашного пристава, который «от них и по них ездит и на поруки их и от них даст», «срок мечет» да «станит» обоих исцов на Москве перед царем. Но «станит» только на «два срока в году» — на рождество и петров день. Это, как говорится, во взаимоотношениях с внешним миром. Внутри же волости все «дела» между крестьянами («кому будет до кого дело . . . меж собия») вершат особый волостной староста и целовальники, «кого (они) себе избирают всею волостью». Значит, речь идет именно об учреждении (как и на церковных землях) нового земельного выборного органа, а не о наделении судебными правами обычных волостных ста-

²¹ Наиболее крупные владения митрополитов — не только отдельные слободы, села и деревни, а зачастую целые волости и станы — находились, как показывают актовые материалы книги московского митрополитского дома XVI в. и таких уездов, как Московский, Владимирский, Коломенский, Суздальский, Ростовский, Дмитровский, Волоцкий, Звенигородский, Юрьевский, Переяславль-Задеский, Нижегородский, Костромской, Гороховский, Галицкий, Вологодский и Белозерский (см. АФЭХ, ч. I).

²² Наместничьи, губные и земские уставные грамоты Московского государства. Изд. под ред. А. И. Яковлева, М., 1909, № 1, стр. 101—102.

рост, поданных в волостях непосредственно общинными делами, и органа весьма широких полномочий, когда в его руки переходят «дразбойничьи и татины дела Плесские волости» (губное ведомство), которые волостные власти (новый староста и целовальники) должны «судити и уравнивати по губной грамоте». И даже более — о всех делах, о которых «старосте и целовальнику управы учинить не мочно», им предоставляется право «докладывать непосредственно царю. Распространяется это и на охрану волостян от обид со стороны «иросских людей», «хто у них в волости силно ставет и кормы учнет взыти безденежно», и в этом случае царь гарантировал плещанам свое прямое вмешательство — наказание с нарушителями («без суда») всех «чужденных убытков» и их пользу в тройном размере. И уже тем более распространяется это на дела о душегубстве, единственную категорию уголовных дел, не подсудных по грамоте земским властям, и тут прямо и сразу московский великокняжеский суд с предоставлением волостянам права самим «приводить убийцу в Москву — и везти никаких «впр и продаж». И вообще нет никакой зависимости плещан от владимирских кормленщиков. Ведь даже при несчастном случае (убьется кто или уточет) или самоубийстве «опе в городе в Володимире тиуном нашим того не вляжет». Полное доверие!

Но последняя оговорка важна и в другом отношении: она ясно показывает, что, хотя одним из поводов к передаче Плесской волости на откуп и было отсутствие в это время (с конца 1550 г.) наместника по Владимире, и именно им до этого управлялась волость, правительство все же предусматривало возможность (на будущее) столкновения волостян с тиунами владимирских наместников, т. е. рассматривало наследие земского самоуправления в Плесской волости как явление, отнюдь не связанное с наличием или отсутствием наместника по Владимире. Иначе говоря, речь шла не о временной льготе, а о нововедении, могущем стать и постоянным.

И этому отнюдь не противоречит, что уже через год, в 1552 г., как гласит приписка на обороте грамоты, плесские крестьяне у того же дьяка Утрима Львова «исоброчились на другой год» (1552/53 г.) «дяти» в царскую казну «оброком за наместничьи и тиуновы кормы» и «за все наместничьи и его поманиных людей помянуты» на год 30 руб. — «наудачи период старым оброком 17 рублев». А заодно получили и разъяснение, что «дашного приетива» они имеют право «забирать себе лишь «из площиных пещицков не их городов». Обе оговорки — увеличение размера «оброка» в два раза и возможность «забирать себе приетива только из ппотородцов» — говорят сами за себя. Они ясно показывают, что новая система волостного управления была настолько выгодна волостянам, что они были готовы платить (конечно, не бжи попукаяния к атому) даже двойной оброк, лишь бы ее сохранить,

ну а правительство торговалось, стремясь получить максимум прибыли от нового земельного устройства, а заодно уже с первых же шагов прюсечь возможность дальниного контакта помещан с представителями из местных детей боярских (с шюгородцами все же надежнее). Дело было явно новое. А лишний контроль никогда не помешает.

Исключительно важны и данные Плесской уставной грамоты 1551 г. о том приказном аппарате, на который было возложено правительством проведение земской реформы. Указание грамоты, что ее подписал известный дьяк Угрім Львович Львов, в этом смысле особенно показательно. Дело в том, что если распределение кормлений между служилыми людьми, согласно «Спискам на кормленое перестанье», производилось обычно в Разрядном приказе, то само ведение кормлеными — выдача «кормленных грамот» и доходных списков, равно как и сам контроль за местничными сборами и посылками, а на посадах и в черных полостях вообще за всей их судебной административной деятельностью — было компетенцией Казенного приказа, между дьяками которого обычно и распределялись города и волости, находившаяся «в кормлении» за наместниками и волостелями. К числу таких казенных «кормленных дьяков», как именует Судебник 1550 г. (ст. 47) дьяков, «которые дьяки у кормленой будут», и принадлежал Угрім Львов,²³ с деятельностью которого, как известно, непосредственно связано проведение земской реформы во многих районах страны.

Таким образом, Плесская уставная грамота 1551 г. как бы фиксирует момент рождения новой системы земельного самоуправления — момент, когда в правительственном аппарате еще только нарабатывались (но отнюдь не были окончательно определены) те конкретные правовые формы и принципы, и которые на практике должны были облечены «сборные уложения» о земстве. А прюще говоря, еще не был создан тот формуляр земских уставных грамот — кодекс структуры, прав и обязанностей земских властей, который уже лежит в основе дошедших до нас земских уставных грамот феириали — марта 1552 г. и представляет собой образец творческой переработки для потребностей земского самоуправления наместничьих уставных грамот и принятой Стоглавом (и качестве дополнения к повому (Судебнику) «уставной грамоты, которой в казне бытше».

²³ О деятельности Угрима Львова как «кормленного дьяка» см.: Н. А. С а д и к о в. Очерки по истории сричины. М.—Л., 1950, стр. 279—280.